

А.А. Кретов

ГОРДЫЙ: СЛАВЯНСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Для русского слова *гордый* и родственных ему славянских слов¹ общепризнанной этимологии нет: “лат. *gurdus* ... глупый, бестолковый ... под сомнением” (Преображенский, 146), что не помешало авторам популярного словаря воспроизвести ее почти век спустя, сопроводив словом “вероятно”². Видимо, их на это поощрило свехосторожное высказывание М. Фасмера: “Стоило бы, возм., сохранить сравнение с лат. *gurdus* ‘тупой, глупый’... вопреки Вальде-Гофм. (1, 370)” (Фасмер 1, 440). Ср. у О.Н. Трубачева: “Сближают с лат. *gurdus* ‘тупой (о железе)’, ‘глупый’, которое само является не совсем ясным исп. провинциализмом” (ЭССЯ 7, 207). И хотя, по свидетельству словаря Эрну-Мейе, испанское происхождение слова не подтверждено, в его принадлежности вульгарной латыни сомнений нет, что, с одной стороны, делает сомнительным правомерность его возведения к и.-е. праязыку, а с другой – заставляет присмотреться к его галльско-соответствию *gwrdd* (Ernout-Meillet⁴, 285).

Этимологические сопоставления Остгофа отверг Бернекер (Преображенский, 146). “В этимологическом отношении не вполне ясное слово”, – заключает П.Я. Черных (Черных 1, 204).

“Фонетически неприемлемо сравнение с гнездом **grustь*, **grustiti* (см.), а также с лат. *grossus* ‘толстый’, лат. *grandis* ‘большой’ и греч. *βρέτος* ‘высокомерие’. Маловероятно, в т.ч. семантически, сближение **gъrdь* и **gъrbь* (см.; название физич. дефекта!), предложенное Брюкнером” (ЭССЯ 7, 207). Так, отвергнув всё предложенное ранее, О.Н. Трубачев, фактически, ничего не предложил взамен: “Дальнее родство и сосуществование значений ‘гордый, надменный’ и ‘страшный, безобразный’, а также проблематичность и.-е. соответствий слав. слова ... могут служить указанием на экспрессивно-инновационную природу слова **gъrdь*” (ЭССЯ 7, 207).

Цель данного исследования – предложить новую, более благополучную в фонетическом и семантическом отношении, этимологию этого слова.

Начнем с формального обоснования новой этимологии.

Все славянские языки согласно указывают на праславянскую форму **gъrdь*, которая в свою очередь указывает на и.-е. основу

*g^(h)urd^(h)-o- < *g^(h)rd^(h)-o-. Как известно, и.-е. слоговой сонант *r у славян реализовывался как *ur и *ir. Дизезным рефлексом этого корня у славян является слово *žbrďь < *g^(h)ird^(h)-o- < *g^(h)r'd^(h)-o-. Ср. русское *жердь* 'тонкий длинный ствол срубленного дерева, очищенный от ветвей; *перен. разг.* Об очень высоком и худом человеке' (БАС³, 4, 319–320).

Известен и вариант корня с вокализмом *o: *gordь < *g^(h)ord^(h)-o. Ср. русск. *город* 'древнее поселение, огороженное, укрепленное стеной для защиты от неприятеля как центр ремесла и торговли; центральная часть такого поселения; ограда, стена, окружающая такое поселение'.

Сатемным вариантом этого корня, указывающим на и.-е. форму *ǵ^(h)ord^(h)-o, является прасл. *zordь, ср. русск. диал. *зорѳд* 'стог сена с жердью или несколькими жердями посередине'. Если для кентумного варианта корня вокализм *e не известен, то для сатемного варианта он представлен в славянских языках в основе праслав. *zerdmę (ЭССЯ 7, 37), ср. древнерусское слово *зеремя* 'Место, где живет стадо бобров': *Съ бобровыми гоны и зъ зеремяны*. А.южн. и зап. Рос. I, 12 1437 г. (СлРЯ XI–XVII вв. 5, 383; Срезневский I, 977). Точнее, *зеремя* – это 'хатка и плотина (т.е. место обитания) бобров'.

Таким образом, со стороны формы праслав. *gьrdь этимологизируется как фонетически закономерный вариант праслав. корня *gьrd-/*gьrd-/*gord-/*zord-/*zerd- и тем самым получает широкую и надежную и.-е. перспективу.

Формальное различие гуттуральных в корне *gord-/*zord- не связано с какими-то содержательными различиями: в обоих случаях реконструируется значение 'ограда, изгородь' (ср. *Запод* 3. Огороженное место для хранения сена. **Перм.**, 1848. **Север., Вост.**; 5. Загороженное место для пастбища. **Сиб.**, 1916. **Север., Вост.**, Даль. (СРНГ 10, 386). Иными словами, перед нами не разные фонемы и не разные морфемы, а два варианта одной морфемы, а следовательно – и одной фонемы. Фактически, так и интерпретируется эта основа у Ю. Покорного: "*ǵherdh- und gherdh-, 'umfassen, umzäunen, umgürten', wegen lat. hortus (s. 4. *ǵher-) Erweiterung von 4. *ǵher- 'fassen'; ghordho-s 'Gehege'*" (Pokorny, 444), т.е. 'охватывать, огораживать, опоясывать/окружать' и 'ограда'. В свою очередь, семантика 4. *ǵher- трактуется Ю. Покорным как 'greifen, fassen, umfassen, einfassen'; erweitert *ǵher-dh- (s. unten); *ǵhor-to-s 'eingezäunter Ort' (Pokorny, 442), т.е. 'хватать, схватывать, охватывать, обрамлять' и с расширением – 'огороженное место'.

Для последующей реконструкции важно, что значение ‘городище, город, крепость’ реконструируется не только для полного вокализма корня (**ghordhos*), но и для нулевого: “*ghrdhos*, *om*, *iom*, *iā* ‘enclosure, stronghold’. Skt. *grāhāḥ*, *ām* ‘house’ beside o-grade *grāhāḥ*, id. ...; Tokh. (B) *kerciye* ‘palace’; Hitt. *Gurtas* ‘fortress’; MHG (prob.) *gurt* ‘girdle’ beside OHG *gurtilla*, etc.”³.

Объяснив форму слова, перейдём к объяснению его семантики. Для и.-е. основы *gherdh-/gherdh-* Ю. Покорный реконструирует значение ‘охватывать, ограждать, ограда’, выводимое им из значения ‘братъ, хватать, схватывать’. Сходным образом реконструируют семантику основы Т.В.Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов: “Основа **g^[h]erd^[h]-* восходит к корню **g^[h]er||*ġ^[h]er-* в значении ‘огораживать’, который, оформляясь суффиксом **-t[h]*-, дает сходные значения... {...} Обычной формой укрепленных поселений у древних индоевропейцев были поселения на возвышенностях, скалах. Слова, обозначавшие такие ‘укрепленные поселения’, связаны обычно по происхождению с основами в значении ‘высокий’, ‘гора’, ‘скала’”. Это утверждение подкрепляется анализом и.-е. **p^[h]el-* ‘крепость’, ‘укрепленный город’, этимологически связываемого с и.-е. основой **p^[h]el-* ‘скала, круча, обрыв’, **b^[h](e)rġ^[h]-* ‘высокий, гора > город, башня, крепость’ **d^[h]eun-* ‘высота, гора > город, крепость’ (Гамкрелидзе–Иванов. ИЕ II, 744–745).

Если и.-е. *ghor-dh-* восходит к корню со значением ‘братъ, хватать, охватывать’, что вроде бы подтверждается примерами типа *братъ* > *забрать* > *забор*, то значение ‘высокий, высота’ следует рассматривать как вторичное, развившееся из древней практики ставить города на возвышенностях. В таком случае *город* и *высота*, в *городе* и *наверху* (ср. греч. *akro-polis* ‘вышеград, верхняя и укрепленная часть города; кремль, крепость; ос. крепость в Афинах, акрополь’ при *akron* ‘вершина, край’⁴) синонимизировались, обозначая одно и то же.

Такому объяснению не противоречит вариант корня с нулевым вокализмом **gʷrd-/gʷrd-* < и.-е. **grd-*, для которого наряду с и.-е. **ghrdh-is* ‘stick, post, pole, goad, spike (жердь, шест, кол, столб, свая)’ (> *жердь*) восстанавливается также и **ghrdh-os* со значением ‘enclosure, stronghold (ограждение, частокол, огороженное место, твердыня)’ (> *городъ*)⁵.

Слова и.-е. корня **gherdh-/gherd-* также удерживают важнейший семантический признак *высоты*. Например, “1. *Зарод* 4.

Приспособление для сушки снопов, сделанное из жердей, в виде высокой лестницы. Тихв. Новг., 1854. Вост. Снопы подвозят к зародам, которые состоят из двух столбов, с частыми перекладинами, вешают их (снопы) на перекладины, сушат. Обонез., Карел Майнов. Ленингр., Обол., Заонеж., Север.” (СРНГ 10, 386). *Зород* – “Стог сена удлиненной формы, сложенный на настиле вокруг трех-четырех вертикальных жердей” Арх., Мжельская. Олон.” (СРНГ 11, 342–343).

Еще более красноречиво слово *зарóжина* “Вертикальная жердь, ставящаяся между походнями и снопами, для того, чтобы походни – горизонтальные жерди, по которым ходят, укладываемая верх зарода, не вдавливались в стог. Новоторж. Пск., 1852. Пск.” (СРНГ 10, 387).

Городить огород, загородка, ограда хорошо сохранили древнее значение ограды, строившейся из *жердей*: “тонких длинных стволов срубленного дерева, очищенных от ветвей”.

Наличие производных с суффиксом единичности *-ин(а)*, *-инин(а)* (*жердина* ‘то же, что жердь’; *жердинина* ‘одна жердь’ (СРНГ 9, 131)) позволяет реконструировать для слова *жердь* значение собирательности парное единичности.

Кроме того, само слово *жердь* в формах множественного числа и собирательной сохранило значение ‘ограда’: *Жердины* ‘Изгородь вокруг дома’. *Жардины* ф каждам дваре. с. Репное, Н.-Усм. р-на (Воронеж. словарь 2, 271); *Жёрдошки* ‘Изгородь из жердей или брёвен’. Нада *жёрдачки* зделать вакрух двара. с. Шестаково Павл. р-на (Воронеж. словарь, 2, 277). *Жерди* ‘Забор вокруг огорода из поперечных жердей, укрепленных одна под другой’. А это *жерди*. Сузун. Новосиб., 1964. *Жердьё* ‘4. Изгородь, огораживающая копны’. “Копны и зароды огораживаются жердьём или кустыма, т.е. колыями, переплетенными и вицами”. Сольвыч. Волог., Иваницкий, 1897 (СРНГ 9, 133) (Разрядка здесь и далее моя. – А.К.). Интересно, что последняя дефиниция чуть ли не слово в слово совпадает с описанием древнейших поселений славян: “Приднепровские мысовые поселения [т.е. поселения, которые располагались на краю высокого плато, на речных и овражных мысах и обычно были укреплены], в середине – второй половине I в. до н. э. были укреплены земляными валами, рвами и эскарпами... Таких укрепленных поселений – городищ [Зарубинецкой культуры. – А.К.] известно более 30. Обычно укрепления окружали вершину холма, где находилась площадка, занятая поселением, а по ее краю, у склонов холма, сооружался

земляной вал высотой 2–3 м с крутой наружной стороной, переходящей в ров такой же глубины. На валу ставили частокол, основой которого были бревна толщиной 10–20 см., вбитые на расстоянии около 0,5 м друг от друга и поддерживавшие плетень, обмазанный толстым слоем глины”⁶.

Какие же свойства характеризуют *жердь*? Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) содержит 34 диагностирующих примера “*X-ый, как жердь*”, распределённых следующим образом: *длинный* – 16,47%; *худой* – 12,35%; *тощий* – 2,6%; *высокий, вытянутый, прямой, тонкий* – 1,3%. Если объединить частоты синонимов *худой, тощий, тонкий*, то на долю признака ‘тонкий’ придется 44% случаев, а на долю ‘длинный-высокий’ (что для жерди фактически одно и то же⁷ – примеры см. ниже: если она располагается горизонтально, она *длинная*, а если вертикально – она *высокая*) – 56%.

Таким образом, *жердь*, во-первых, высокая и, во-вторых, тонкая. Ср. примеры реализации этих признаков в речи.

Сейчас у Фёдора Михеевича мелькнула догадка, и он сказал своему высокому, худому, как *жердь*, завучу: [Александр Солженицын. Для пользы дела (1963)]; ... я занял кресло перед столом, имея по правую руку Дюрока, а по левую – высокую, как *жердь*, даму лет сорока с лицом рыжего худого мужчины ... [Александр Грин. Золотая цепь (1926)].

Показания Национального корпуса русского языка подтверждаются данными “Словаря устойчивых сравнений русского языка”: “**Как (словно, точно) жердь** 1.1. Длинный; высокий и тонкий, тощий, худой, сухопарый. С ним рядом шел незнакомый татарин, *длинный, как жердь, тощий* (В.Г. Короленко. Ат-Даван). Однажды вместе с нашими ранеными ко мне в вагон внесли *длинного, как жердь*, австрийца в серых обмотках (К.Г. Паустовский. Беспокойная юность)”⁸.

Обратим внимание и на то, что эти признаки жерди могут переноситься на человека: ср. *жердь* ‘о ком-, чем-л. похожем на длинный тонкий ствол срубленного дерева, очищенный от веток’ (БТС, 303) и синонимический ряд *верзила, верста, каланча, дылда, жердь, орясина* (Слов. син., 53), а также производные слова *жердь* – *жердина* ‘о длинном тощем человеке’, *жердяй* ‘неодобр. об очень высоком и худом мужчине’ (БТС, 303). Ср. также диал. *жердак* (от диал. *жерд* ‘жердь’), *жердан, жердила, жердило, жердина* – ‘о высоком и худощавом человеке’ (СРНГ 9, 130–131).

Значение высоты просматривается также в слове *город* и его производных: 1. *Город* 7. Нагромождение льдин, образующееся при взломе льда на море. “Морской лед, который при взломе *громоздится горой*”. Урал казаки, Даль. Урал., Маштаков, 1931. (СРНГ 7, 55); 2. *Город* 6. О *высокой*, здоровой женщине. Моск. Моск., Влад., 1910. (СРНГ 7, 57); “*яроsl. девка-город высокая, красивая, здоровая девушка; как город о высоком, полном человеке*”⁹. Весьма красноречивы значения слова *городище*: “1. Гора, холм, *возвышенность*. Юрлин. Коми-Пермяцк., 1930; Гора овальной формы; Курган; *Возвышенность*, похожая на искусственно сделанную; *возвышенный* одинокий кряж, как будто искусственно насыпанный; *Высокая* местность, не затопляемая водой; *коренной* берег внутри поймы” (СРНГ 7, 59). Ср. также *городок*: 5. Снежная гора. *Городок* построят из снегу. Верхне-Тавд., Красноуфим. Свердлов., 1964. (СРНГ 7, 62).

Косвенным указанием на наличие признака ‘высокий’ в основе *горд-* является образованное от нее прилагательное *гордый* “высокий, громкий (о голосе)” (СРНГ 7, 27).

Поскольку первичными мы предполагаем признаки физические, а не моральные, присмотримся к сочетаемости прилагательного *гордый* с неодушевленными существительными. Анализ контекстов показывает, что у слова *гордый* есть не фиксируемое словарями значение ‘высокий’.

Так, в примере “В *песчаных* степях *аравийской* земли *Три гордые* пальмы *высоко* росли” (Лермонтов. *Три пальмы*) словари толкуют *гордые* пальмы как реализацию значения “Исполненный торжественной красоты” (БАСЗ:296) Аналогично толкуется словосочетание *гордые памятники* (*ibid.*). Пальмы *гордые* не только и не столько потому, что считают себя исполненными красоты, а прежде всего потому, что они растут *высоко*, т.е. что они *высокие*. А *гордые* памятники – прежде всего *высокие* памятники, что ничуть не мешает им к тому же быть “исполненными торжественной красоты”.

Рассмотрим еще примеры. “И *кедров гордые вершины*” (Пушкин. Руслан и Людмила). “Теперь я вижу пред собою Кавказа *гордые главы*” (Пушкин. Руслан и Людмила). *Гордые* в обоих случаях – ‘высокие’. “Читал я где-то, Что царь однажды воинам своим Велел снести земли по горсти в кучу, И *гордый холм* возвысился – и царь Мог с *вышины* с весельем озирать И дол, покрытый белыми шатрами, И море, где бежали корабли” (Пушкин. Скупой рыцарь). В данном случае *гордый* – ‘высокий’,

на что указывает и глагол *возвысился*, и последующий контекст, содержащий существительное *вышина*.

Приведем примеры из Национального корпуса русского языка, свидетельствующие, что “гордость” притягивает “высоту”.

“Где меньше страха нам, Там может смерть постичь скорее; Ее и громы не быстрее Слетают к *гордым* в *выш* и *на* м” [Державин Г.Р. На смерть князя Мещерского (“Глагол времен! металла звон!..”) (1779)].

“Светозарному молилась все чаще в эти дни Ортруда, то на *высокой* башне *гордого* *замка*, то на широком морском берегу” [Федор Сологуб. Королева Ортруда (1909)]; Как *гордый* *кедр*, главу он дерзостно *в* *зн* *о* *с* *и* *л* [Александр Архангельский. Александр I (2000)].

Интересное явление представляют собой употребления неодушевленных существительных в конструкции “Гордый, как X”: “Да и имя у старшины осталось далеко не славянское, а *гордое*, как *горная* *вершина*, – Аванес!” [Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999)]; “И черная, *гордая*, как *знамя*, фигура отца Александра шагах в ста впереди, отделенная от Юла дрожащим маревом, была совсем из другого мира” [Андрей Лазарчук. Священный месяц Ринь (1988)]. Появление знамени в этом контексте поясняют показания верхнелужицкого языка: в.-луж. *žerdź* ж ‘шест, жердь; древко (флага)’ (Трофимович 458).

Традиционная интерпретация таких контекстов, исходящая из первичности значения ‘гордый’, предполагает весьма сложное объяснение: ‘гордый (о человеке)’ > ‘гордый (об очеловеченном предмете)’ > ‘гордый (о человеке, его имени или фигуре, уподобляемых предварительно очеловеченному предмету)’.

Мы же предлагаем видеть в этих употреблениях просто реализацию древнего значения ‘высокий’, изначально характеризовавшего именно неодушевленные предметы.

Историко-ареальный анализ семантики слова *гордый* начнем со значений, фиксируемых в древнейших славянских текстах – старославянских.

Ст.-слав. *грѣдѣ* имеет значения ‘возгордившийся, надменный’, а также ‘величественный, поражающий, изумляющий’, которые можно по контексту истолковать и как ‘высокий’: *грѣдѣ* на облацѣх и аггелы и силами славимъ Супр. 326, 30; къ жрьтве приходиши *грѣдѣ* и с(вѣ)тѣ Супр 421, 29 (Ст.-слав. словарь, 178). Дополнительный штрих к семантике слова *грѣдѣ* добавляет наречие *грѣдѣ* ‘грозно, потрясающе’: *прѣди* *идын* *грѣдѣ*

на ратьники възираетъ кръсть Супр 105, 13 (Ст.-слав. словарь, 179). Как указывает наречие **грѣдѣ** ‘грозно, потрясающе’, к семантике прилагательного **грѣдѣ** можно добавить и значение ‘грозный’, т.е. ‘ужасающий, пугающий, страшный’.

Совмещение словом **грѣдѣ** значений ‘гордый’ и ‘страшный’ представлено в древнерусских текстах: **гордый** 1. Гордый, надменный, высокомерный; 2. Дерзкий; 3. Грозный, страшный, жестокий (СлРЯ XI–XVII вв. 4, 83). **гърдыи** 1. Непокорный, дерзкий, 2. Высокомерный, надменный; кичливый, 3. Жестокий, губительный, 4. Суровый, безжалостный, 5. Славный, выдающийся (СДР 2, 409).

Значения ‘3. Жестокий, губительный’ и ‘4. Суровый, безжалостный’ дают ответ на вопрос, как из значения ‘гордый’ могло возникнуть значение ‘страшный’: жестокость, губительность, суровость и безжалостность – вполне достаточный набор свойств, способных вызвать страх.

Словарь Срезневского выделяет следующие значения: *superbus*; в ы с о к и й, важный; важный, дивный; *austerus*; φοβερός, *terribilis*, страшный: **Слово о гърдемѣ** (т.е. высшем и страшном. – А.К.) **соудѣ**. Златостр. XII в. 172 (Срезневский 1, 614). Устойчиво встречаются сочетания **горд и страшен, гордый и лютый: Быше чудо грѣдо и оужасти пѣно** (Срезневский 1, 614).

Очевидно, ‘гордость’ первоначально интерпретировалась в рамках оппозиций “высокий-низкий” (во всех – в том числе и социальных – смыслах), “вертикаль-горизонталь”, “стоящий-лежащий”, “властитель-подвластный”. *Гордый человек* – прежде всего – высоко себя ставящий и ни перед кем не унижающийся человек. Ср. значение русского слова *гордый*: “сохраняющий свое достоинство; сознающий свою силу, значение, превосходство” (БАС¹ 3, 273). Еще интереснее определение этого значения у В.И. Даля: “Надменный, в ы с о к о мерный, кичливый; надутый, в ы с о носый, спесивый, зазнающийся; кто ставит себя самого выше прочих” (Даль³, 1, 933). Это значение подкрепляется дефиницией другого значения слова *гордый*: “4. Разг. Считающий себя в ы ш е, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим; в ы с о к о мер н ы й, надменный” (БАС³ 4, 296).

Значение ‘гордый’ притягивает к себе синонимичную семантику непреклонности и антонимичную – унижения: (Катерина Ивановна) дама горячая, **гордая и непреклонная**. Дост. Прест. и наказ. (Мизгирь) Сломился я под гнетом жгучей страсти И слезы лью. Смотри, **колени клонит** Перед девчонкой **гордый** человек.

А. Остр. Снегурочка. (БАС¹ 3, 273); Найти новую работу было не так-то легко, он **был гордый, не умел унижаться**. Лидин. Перв. Пароход (БАС³ 4, 296). [Поэт] К ногам народного кумира **Не клонит гордой** головы; (А.С. Пушкин. Поэт); (Надворный советник Бламанже) успел снискать себе всеобщее уважение в городе тем, что **не задирает носа** и *не гордился* (БАС³ 4, 295).

Выражение *задирать нос* в последнем примере, очевидно, синонимизируется с проявлением гордости, хотя толковые и синонимические словари прямо этого не фиксируют. *Драть (задирать, поднимать, подымать) нос; нос кверху держать, носить и т.п.)* Важничать, зазнаваться (БАС¹ 7, 1407); *Задирает, задрает голову (нос)*. Чваниться, зазнаваться: (Макаров) никогда *не задирает головы* перед своими подчиненными, но и *умел не опускать ее* перед стоящими выше. Попов. Сталь и шлак (БАС¹4, 414). Последний пример характеризует Макарова как некичливого и гордого человека. Косвенно об этом свидетельствует синонимический ряд, включающий в себя производящие как участвующего в дефиниции фразеологизма глагола *чваниться*, так и глагола *гордиться*: “Высокомерный (исполненный высокомерия, проявляющий высокомерие), надменный, усилит., *гордый* разг. (высокомерный вследствие высокого мнения о себе), надутый, разг., спесивый (относящийся к окружающим свысока, подчеркивающий свое превосходство), чванный, чванливый, кичливый, заносчивый (высокомерный и чрезмерно самоуверенный). – Ср. 2. В а ж н ы й. (Слов. син., 95). Весьма показательна зона *аналогов* – слов, “значения которых существенно пересекаются с общим значением данного ряда синонимов” (Апресян 1999, XIV) в словарной статье Ю.Д. Апресяна *гордиться–кичиться*: *чваниться, важничать, пыжиться, задаваться, заноситься, воображать, задирает (поднимать) нос, зазнаваться...* (Апресян 1999, 63).

Если *гордый* человек объективно высок (во всех смыслах), то зазнающийся – преувеличивает свои достоинства, стремясь казаться выше, чем он есть на самом деле. Показательно, что по той же модели образован и глагол *кичиться* – “задирать кичу ‘хохол’”, “т.е. собственно “поднимать чуб”; ср. *нахохлиться* (от *хохол*) и *задирать нос*” (Фасмер, 2, 241).

Если гордость способна вызывать восхищение, то самовозвеличивание, заносчивость вызывают лишь осуждение. Ср. *гордить* “Быть высокомерным, заносчивым. *Гордят*, сами себя *высокосят*. Табор. Свердлов., 1964” (СРНГ 7, 27).

Стремление человека держаться прямо и как можно выше выступает как знак гордости и маркирует ее:

К ней дамы подвигались ближе;
 Старушки улыбались ей;
 Мужчины кланялися ниже,
 Ловили взор ее очей;
 Девицы проходили тише
 Пред ней по зале; **и всех выше**
И нос и плечи подымал
 Вошедший с нею генерал.

(Пушкин. Евгений Онегин).

Из контекста видно, что генерал гордился своей женой, производившей такое впечатление на общество.

В целом, можно, по-видимому, говорить о трех типах ситуаций: (1) констатации и осознании социальной “высоты” человека – *гордости* (адекватная оценка и самооценка); (2) преувеличении своей реальной высоты – *надменности, кичливости, заносчивости* (завышенная самооценка) и (3) преуменьшении своей реальной высоты – *унижении, преклонении, раболепии* (заниженная самооценка, самоуничижение).

Главное в данном случае – существование целой системы переноса визуально воспринимаемых физических признаков в сферу социальных отношений и нравственных характеристик: выситься (выделяться высотой) – возвышать (пре-воз-носить) себя – унижать себя: *гордиться – кичиться, заноситься, чваниться – унижаться, пресмыкаться*.

Не только “гордость” притягивает “высоту”, но и “высота” регулярно и устойчиво порождает “гордость” и сопутствующие ей значения.

Развитие значения ‘гордый’ из значения ‘высокий’ в диалектах описано С.М. Беляковой¹⁰.

В литературном языке также имеются подтверждения переносу “высокий → гордый”. Ср. рус. диал. арханг. “Шибко в ы с о к а была – ни с кем не поздороваще” (Арханг. словарь 8, 220) и рус. лит. “Софья Николаевна в ы с о к о себя держала перед бойкими и заносчивыми людьми, а со смиренными и скромными всегда была снисходительна и ласкова”. С. Акс. Сем. хроника (БАС³, 3, 570). При этом слово *высоко* имеет как значение “1. На значительной в ы с о т е, на большом расстоянии от земли” (БАС³, 3, 569), так и “4. Устар. Важно, г о р д о, надменно” (БАС³, 3, 570).

Южнославянские языки в семантическом отношении противопоставлены севернославянским (восточным и западным): в них

рефлексы прасл. **gьrdь* представлены значениями ‘страшный’ и ‘безобразный, уродливый, некрасивый’ при отсутствии значения ‘гордый’.

Причина этого может состоять в том, что значение ‘гордый’ в южнославянских языках православных народов занято церковно-славянизмом *гордь*, отражающим фонетическую норму русского извода церковнославянского языка: болг. *горд* ‘гордый’, макед. *горд* ‘гордый’, сербск. *горд* ‘гордый; горделивый’. В языке неправославных югославов в значении ‘гордый’ закрепилось прилагательное, производное от существительного *ponos* ‘гордость’: словен. *ponosen* гордый; хорватск. *ponosan*¹¹. Языком, в котором встречаются *горд* и *поносан*, является сербский.

Таким образом, в южнославянских языках, на наш взгляд, произошло разделение семантических “сфер влияния” слова *гордый* между словами: высокое абстрактное значение (оно же – более древнее) закрепилось за церковнославянизмом *горд* или прилагательным, производным от существительного *ponos* ‘гордость’, а вторичные и низкие значения сохранились в исконных фонетически закономерных рефлексах: болг. *грьдый* ‘гордый, безобразный’ (Геров), болг. диал. *гьрдь*, *грьдь* ‘страшный, безобразный, плохой’, макед. *грд* ‘уродливый, безобразный’ (Иллич-Свитиц), макед. диал. *gërd* (Hendriks), сербо-хорв. диал. *gërd* ‘безобразный’ (Tentor), сербо-хорв. *grđ* ‘страшный, безобразный’, сербо-хорв. церк. *grđ* ‘гордый’ (RJA), сербо-хорв. диал. *γaridò* ‘очень сильно’ (Sus.), словен. *grđ* ‘гадкий, безобразный, противный’ (ЭССЯ 7, 206–207).

Как видим, на периферии южнославянской лексики (в церковно-славянской составляющей литературных языков) древнейшее по времени фиксации значение ‘гордый’ даже уцелело, и полные словари болгарского (Геров) и сербохорватского (RJA) языков его фиксируют.

Доказать родство уцелевших в южнославянских языках значений ‘безобразие, уродство’ со значением ‘гордость’ представляется возможным. Связующим звеном между северно- и южнославянскими языками может выступать значение ‘страшный, ужасный’. В старославянском, церковно-славянском и древнерусском языках сосуществуют значения ‘гордый’ и ‘страшный, ужасный’, а в современных южнославянских – ‘страшный, ужасный’ и ‘безобразный, уродливый’.

Связь значений ‘гордый’ и ‘страшный, ужасный’ объективно представлена в древних текстах и, будучи фактом, в сущности,

не нуждается в дополнительных доказательствах. Однако и для них можно предположить семантическую связь: ‘высокомерный’ > ‘жестокий’ > ‘опасный, страшный, ужасный’. Впрочем, чем выше в социальном отношении человек, тем больший страх и ужас он вызывает, приближаясь в этом отношении к Всевышнему.

Теперь объясним связь значений ‘страшный, ужасный’ и ‘безобразный, уродливый’.

Ключ к этой связи мы находим в дефиниции прилагательного *страшный*: “Пугающий своим безобразным видом, громадными размерами и т.п.; уродливый, отвратительный”: *Он видит, как из-за стены поднимается чья-то черная, страшная голова*. Гарин. Детство Тёмы, 4. (БАС¹, 14, 1017). Механизм развития значения представляется нам таким: ‘страшный’ > ‘пугающий (безобразием, уродством, громадными размерами, худобой и т.д.)’ > ‘безобразный, уродливый, громадный, худющий и т.д.’. Ср. также *ужасный* ‘1. Вызывающий ужас, очень страшный’ и ‘2. Разг. Очень плохой, скверный’. *Ужасная* погода, *ужасный* человек. *Ужасная* дорога (МАС² IV, 473). Случаев же развития семантики в противоположном направлении: ‘плохой (безобразный, уродливый, громадный, худющий и т.д.)’ → ‘страшный, ужасный’ нам не известно.

Одним из аргументов в пользу этого объяснения является серб. *грдан* ‘огромный’, выводимое из значения ‘страшный, пугающий своими громадными размерами’.

Отдельного разговора заслуживает попытка И.П. Петлевой¹² обосновать этимологическое решение, предложенное в словаре Ю. Покорного, в соответствии с которым слово *гордь* оказывается однокоренным словам *груда*, *грусть*.

Неудачность такого решения давно понятна этимологам: “За отсутствием лучшего объяснения ограничиваемся этими данными, хотя и в семантическом и, пожалуй, фонетическом (-*eu-* за плавным) отношении они не вполне удовлетворительны” (Черных 1, 204); “Фонетически неприемлемо сравнение с гнездом **grustь*, **grustiti*” (О.Н. Трубачев: ЭССЯ 7, 207).

Действительно, корень **groud-* предполагает варианты **greud-* и **grud-*, что в праславянском должно было бы дать **gr’ud-* (русск. **грюд*) и **grъd-* (русск. **грод*), но никак не **grъdъ* (русск. *горд*).

Для оценки работы И.П. Петлевой важно также учитывать, что предметом ее этимологизирования были “славянские лексе-

мы семантической сферы ‘скорбеть, горевать, тосковать; скорбь, печаль, тоска’¹³, поэтому в поле зрения исследовательницы попало преимущественно то, что имело отношение к теме ее исследования, и, естественно, под определенным углом зрения, а этимология слав. **gьrdь* явилась как бы побочным продуктом.

Разумеется, при этом поставленная О.Н. Трубачевым “проблема обоснования возможности сочетания таких значений, как ‘гордый, величественный, надменный’ (ст.-слав., рус., чеш. и др.) и ‘безобразный, страшный, уродливый’ (болг., макед., с.-хорв.), т.е., собственно, проблема определения исходного признака (или совокупности признаков), который бы “объяснял” оба значения (‘гордый’ и ‘безобразный’) с их семантическим окружением” оказалась в центре внимания исследовательницы.

Для решения ее была выдвинута гипотеза “об отражении в данном гнезде понятий древнего погребального обряда”¹⁴.

При этом для доказательства своей гипотезы исследовательница сделала еще одно – в общем случае вполне корректное – допущение, в соответствии с которым “в ряде случаев именно производные образования могут сохранять более древнюю семантику, чем производное слово”¹⁵.

Так, на основании отадъективного с.-хорв. глагола *грдити* ‘обезображивать, уродовать’, ‘повреждать, раздирать, терзать’ сделан вывод, что “исходным для **gьrd-* могло быть именно значение ‘драть, царапать’, на основе которого развились вторичные, переносные... ‘обезображивать, делать гадким’, ‘ругать’, ‘срамить’, ‘презирать’”.

Косвенные аргументы: из значений ‘резать, драть’ развиваются значения ‘сильно, очень’, ‘ругать, бранить’, ‘терпкий, горький, едкий’, реально зафиксированные в южнославянских диалектных рефлексах слав. **gьrdь*.

При этом значение ‘грустный, тоскливый, бедный, жалкий горемычный’ у серб. диал. *грд* исследовательница не пытается вывести из значения ‘резать, драть’ (связь с которым отнюдь не очевидна), довольствуясь констатацией характерности этих значений “для семантической сферы, относящейся к погребальному ритуалу”¹⁶.

В итоге, по мнению И.П. Петлевой, значение ‘гордый, величественный, благородный...’ (→ ‘высокомерный, спесивый...’) “очевидно, связано с ‘прославлять, возвеличивать’ и может быть отражением ритуального восхваления покойного”. Семантическое противоречие разрешается следующим образом: “...семанти-

ка гнезда **gьrd-* представляется нам восходящей к обозначению совокупного действия, связанного с погребальным ритуалом – ‘царапать лицо, причитая по покойнику и восхваляя его’¹⁷.

Такой прием безотказен и универсален: пожалуй, нет таких значений, которые нельзя было бы объединить в рамках “совокупного действия, связанного с ритуалом”.

Правда, при этом исконная связь гнезда **gьrd-* с ритуалом похорон так и остается недоказанной гипотезой, т.к. аргументов против ее фонетической несостоятельности не приведено, а факты, призванные подкрепить семантическую сторону гипотезы, могут быть объяснены по-другому.

Так, главный аргумент И.П. Петлевой – с.-хорв. глагол *грдити* ‘обезобразивать, делать гадким’, может быть интерпретирован как производный от с.-хорв. *грд* ‘безобразный, гадкий, уродливый’, а значение, которое исследовательница предлагает считать исконным, оказывается связанным с его вторичной конкретизацией: ‘обезобразивать, делать гадким (свое лицо, тело), царапая, раздирая его ногтями’’. Таким образом, в ‘драть, царапать’ можно видеть лишь указание на один из конкретных способов “обезобразить” себя, а не древнейшее исходное значение.

Если бы значения ‘драть, царапать’ или ‘горе, беда; грустный, жалкий’ были исконными, естественно было бы ожидать их фиксации в древнейших письменных памятниках и хотя бы их следов в других славянских языках.

Однако этого нет: рефлекс **gьrditi* в древнейших южнославянских (!), а именно – в старославянских текстах имеет значение ‘делать гордым, заносчивым’, т.е. указывает на значение ‘гордый’ в производящем прилагательном *грьдъ*. Ареал распространения **gьrditi* ‘обезобразивать’ позволяет в лучшем случае говорить о славянском регионализме на территории позднейшего заселения.

Более того: увлекшись семантикой **похоронного** обряда у южных славян, исследовательница упускает широкую представленность слова **gьrdь(jь)* в **свадебном** обряде славян восточных: *гордой обед; гордой стол, ужин; гордые гости; горды* ‘отец, мать и крестный отец невесты, везущие ее приданое в дом жениха’. Верхнетур. Перм., 1964 (СРНГ 7, 29). Даже если принять во внимание, что свадебный обряд синонимизируется с похоронами невесты¹⁸, все равно эти значения естественнее выводятся из величания (возвышения) гостей и молодых во время свадьбы, чем из значения ‘царапать лицо, причитая по покойнику и восхваляя его’. Так, например, слово *гордокняжая* “Фольк. В свадебном

обряде – при обращении к сватье. Уж ты сватья, ты, сватьюшка, да *гордокняжая* сватьюшка! Шенк. Арх., 1900” (СРНГ 7, 29) легко интерпретируется как **высококняжая* (ср. обращения *Ваше высокоблагородие, высокопревосходительство* и т.п. в дореволюционной России), но вряд ли выводимо из значения ‘царапать лицо, восхваляя покойника’.

Соответственно, южнославянский материал легко и естественно объясняется из значения ‘высокий’ как возвышение (восхваление) покойника самоуничижением, в том числе и обезображиванием себя. Для соблюдения похоронной этики было важно, чтобы живые родственники покойного были не краше, чем в гроб кладут.

Косвенные аргументы И.П. Петлевой также допускают иную интерпретацию: значение ‘сильно, очень’ выводится не только из значения ‘резать, драть’, но также из значений ‘высокий’¹⁹ и ‘страшный, ужасный’²⁰; значение ‘ругать, бранить’ с большой вероятностью может продолжать значение ‘передавать (негативную) информацию’, а значение ‘терпкий, горький, едкий’ может быть результатом переноса в сферу вкуса позднего вторичного значения ‘царапать, драть’.

Как видим, ни основной, ни косвенные аргументы И.П. Петлевой не могут быть приняты как единственно возможные.

Семантика словен. *grđiti* ‘делать безобразным, обезображивать, исказить’ и ‘хулить, поносить, клеветать’ позволяет предложить еще один вариант семантического развития ‘держаться надменно, высокомерно’ → ‘словесно проявлять высокомерие, хуля, понося кого-л.’ → ‘хулить, поносить кого-либо, т.е. делать (поначалу – на словах) гадким, мерзким, противным’.

В таком случае значение “гадкий, мерзкий, противный, безобразный” у прилагательного *grđ* могло развиваться под влиянием глагола *grđiti* ‘делать гадким, мерзким, противным’ в результате так называемой “обратной деривации”, тем более, что позитивное значение ‘гордый’ у южнославянских народов было уже “занято” ц.-слав. *gorđ* или словен. *ponosen*, с.-хов. *ponosan*. Ср. словен. диал. *grđiti se* ‘браниться, ругаться’ (Štrekelj 13) и русск. *гордиться* ‘сердиться, злиться’ (Семен. Нижегород., 1851): “Не *гордись* на меня, чадо милое, Скажи, чьей орды, Скажи, чьей земли, Чьего отца да чьево матери, Чьего урождения великого?” Пудож. Олон., Гильфердинг. (СРНГ 7, 27).

Следует внимательнее присмотреться к глаголам **gъrditi* (*se*) и **ponositi* (*se*). Сопоставление словенского и древнерусского

материала дает зеркально симметричную картину: если в древнерусском **gъrditi (se)* означает 'гордиться', а **ponositi (se)* – 'поносить', то в словенском, наоборот, **gъrditi (se)* означает 'поносить', а **ponositi (se)* – 'гордиться'.

Как могла возникнуть такая лексико-семантическая рокировка?

Вначале попробуем восстановить последовательность семантических процессов.

Поносить что-куда ('нести, относить, приносить': *Поносили* кожу кожевнику. Пудож. Олон., Гильфердинг. Печор, Арх., Ленингр. (СРНГ, 29, 270) → *поносить* (информацию кому-л.) = *доносить* → *поносить* (порочающую кого-л. информацию кому-л.) = *клеветать* → порочить, хулить, бранить, поносить кого-л., и тем самым унижая другого = *поносить* и возвышая себя = *гордиться*.

Глаголы производные от *нести-носить* часто обозначают передачу информации: ср. *поносить* 'доносить': Матушке там приходят жаловаться... все ей поносят (СРНГ 29, 271); *переносить* '7. Разг. Распространять, передавать какие-либо сведения, чьи-либо слова'; <> Устар. *Перенести-переносить* кому. (БАС¹, 9, 776), а также *донести-доносить* 'неся, кого-, что-л. доставлять до определенного места' → 'сообщать, извещать; делать донос, возводить обвинение на кого-л.' (БАС³, 5, 273).

Особенно хорошо детали семантического процесса видны на примере глагола *переносить* 'взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать, доставлять кого-, что-либо из одного места в другое'. Первым актом семантической деривации является появление в позиции объекта слова со значением 'информация' – *вести*: Параша ... Шьет, моет, вести переносит... (Пушкин. Граф Нулин). Вторым актом семантической деривации является компрессия словосочетания *переносить вести* в универб *переносить* с тем же значением: При нем остерегись: переносить горазд (Грибоедов. Горе от ума).

Сообщение негативной информации о человеке означает его унижение и возвышение над ним унижающего.

Значения гордости (возвышения себя) и унижения, уничижения другого, находясь в конверсивных отношениях (В ниже А = А выше В), взаимно предполагают друг друга.

Амбивалентная ситуация конверсии порождает энантиосемию: если *гордиться* значит 'выситься, выделяться высотой', то унижая другого, человек тем самым возвышает себя, а возвышая себя – тем самым унижает других. Аналогично *понос-поношение*

для поносимого – ‘позор’, а для носящего – проявление его ‘гордости’.

Соответственно, низкое и униженное принимает негативную семантику ‘безобразного, противного, плохого’, а высокое и возвышаемое – позитивную семантику ‘величественного, великолепного, величавого’ и ‘красивого’.

Ср. энантиосемию, порождаемую сходной конверсивной ситуацией: “победа А над В” – это *победа* для А и *беда* для В: *Победа* ‘Беда, несчастье’ Заонеж. Олон., 1864. Странник говорил, что на весь уезд *победа* будет: либо голод, либо мор. Яросл. Онеж. КАССР, Пск., Казан., Амур. Шадр. Перм., Архив АН Нарым., Петерб. (СРНГ 27, 189).

Следует учесть вывод, сделанный Н.И. Толстым при типологическом анализе славянской лексики: “невозможность энантиосемии в пределах одного диалекта, одной системы”²¹. Поэтому бессмысленно и некорректно реконструировать лексико-семантическую систему, содержащую оба взаимоисключающих значения, что, однако, предполагает реконструирование самой точки семантической бифуркации.

Таким образом, семантическая история славянских рефлексов прасл. **gьrdь* в нашей версии такова: ‘огороженное высокое место > город=возвышенность, высота > высокий > высокий (благородный) > гордый, жестокий > страшный, пугающий (безобразием, уродством, громадными размерами, худобой и т.д.)’ > ‘безобразный, уродливый, громадный, худющий и т.д.’

Противоречие между ‘величественным’ и ‘безобразным’ мы склонны выводить из двойственности конверсивной ситуации: ‘унижая другого, возвышать себя’ (*ponositi se*) / ‘унижая себя, возвышать другого’ (*grditi se*). В первом случае вырабатываются позитивные признаки высокого, во втором – отрицательные признаки низкого.

При этом надо иметь в виду различие в семантике и функции возвратных глаголов. В первом случае семантика невозвратного и возвратного глагов фактически тождественна: ср. *поносить* кого ‘ругать, бранить кого-л. (и тем самым возвышать себя, гордиться)’, *поноситься* на кого ‘ругаться, браниться на кого-л. (и тем самым возвышать себя, гордиться)’. А во втором случае возвратный глагол имеет собственно возвратное значение: “действие производится субъектом, который является одновременно и объектом действия”²². Ср. **gьrditi* макед., с.-хорв., словен. ‘делать кого-л. отвратительным, уродливым, безобразным (и тем

самым возвышать себя, гордиться)»; **gъrditi se* макед., с.-хорв., словен. ‘делать себя отвратительным, уродливым, безобразным; уродовать себя (и тем самым возвышать покойника)’.

Гордить ‘возвышать’ – *гордиться* ‘возвышать себя, унижая другого’. Из этой внутренне противоречивой ситуации в лексико-семантическую систему по III закону Н.И. Толстого можно взять только один компонент. Севернославянские языки берут ‘возвышать себя’, а южнославянские – ‘унижать другого’. В таком случае по закону аналогического выравнивания в словообразовательном гнезде (частные результаты действия которого не очень удачно именуют “обратной деривацией” или “редеривацией”) *gъrditi* будет обозначать ‘унижать’, а *grd* – ‘низкий → мерзкий, безобразный, отвратительный’. А из этого значения прилагательного могли уже образоваться современные значения глаголов *gъrditi* ‘обезобразивать’ и *gъrditi se* ‘обезобразивать себя (в частности, царапая, раздирая лицо и грудь)’.

Ср. аналогичную ситуацию с **ponositi* – **ponositi se*. *Поносить* кого, *поноситься* на кого ‘унижать другого, возвышая себя’. Северно-славянские языки берут ‘унижать другого’, отсюда *понос* ‘позор, хула, бесчестье’. Южнославянские берут ‘возвышать себя’, откуда *ponositi se* ‘гордиться’, *ponos* ‘гордость’ и *ponosen/ponosan* ‘гордый’. При таком взгляде словенский и сербохорватский лексический материал оказывается не древнейшим, а позднейшим.

Таким образом, взамен фонетически несостоятельной и семантически небесспорной этимологии И.П. Петлевой мы предлагаем фонетически безукоризненную этимологию, о семантико-словообразовательной обоснованности которой предоставляем судить читателю.

Примечания

¹ Русск. ц.-слав. *гърдыи, грьдыи*; русск. др.-русс. *гордыи* ‘гордый, высокий, важный, страшный’, русск. *гордый* ‘сохраняющий свое достоинство; сознающий свою силу, значение, превосходство; высокомерный, спесивый; величественный, величавый’, русск. диал. *гордой* ‘смелый’, укр. *гордий* ‘гордый, спесивый, надменный, величественный’, блр. *горды* ‘гордый, надменный’, ст.-слав. *грьдь* ‘гордый, заносчивый, величественный, страшный’, болг. диал. *гърдъ грьдъ* ‘страшный, безобразный, плохой’, болг. *грьдый* ‘гордый; безобразный’ (Гергов), макед. *грд* ‘уродливый, безобразный’ (И-С), макед. диал. *gërd* (Hendriks), сербо-хорв. церк. *gъrd* ‘страшный, безобразный’, сербо-хорв. *gъrd* ‘гордый’ (RJA), сербо-хорв. диал. *gërd* ‘безобразный’ (Tentor), *γartò* ‘очень сильно’ (Sus), словен. *gъrd* ‘гадкий, безобразный, противный’, словац. *hrdý* ‘гордый, высокомерный; великолепный’, чешск. *hrdý* ‘гордый, высокомерный,

- величественный', чеш. диал. (Bartoš) *hrdý* 'великолепный, прекрасный, хороший', польск. стар., диал. *gardy* 'гордый, высокомерный, надменный; привередливый в еде (обычно о скотине)', в.-луж. *hordy* 'гордый, великолепный', н.-луж. *gjarady* 'гордый, роскошный, благородный' (ЭССЯ 7, 206–207).
- ² Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1961, 109.
- ³ Mann, Stuart E. An Indo-European comparative dictionary. Hamburg, 1984–1987, 345.
- ⁴ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Изд. 5. СПб., 1991 (1899), 46–47.
- ⁵ Mann, Stuart E. Op. cit., 245.
- ⁶ Максимов Е.В. Зарубинецкая культура. Поселения // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993, 24–25.
- ⁷ "Разг. Высокий ростом (о человеке). Длинный, костлявый, немного сутулый, он [Челкаш] медленно шагал по камням. М. Горький. Челкаш. (БАС³ 5, 138.)
- ⁸ Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синоним-антонимический). М., 2001, 176.
- ⁹ Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И. Человек в русской диалектной фразеологии. М., 2004, 29.
- ¹⁰ "В говорах отмечаются прилагательные *высокомодный* "эгоистический, себялюбивый" (кург.), *высокоумый* "высокомерный, гордый" (урал., *высокий* "высокомерный, надменный" (арх.); глаголы *высоколомиться* "гордиться, зазнаваться" (кург.), *высокомерить* "держаться высокомерно" (перм.), *высокосить*, *высокоумничать* "умничать, смотреть на других свысока" (урал.) и др. Весьма красноречива и лексема *вздыморылый* с тем же значением, зафиксированная нами в тюменских говорах. (...) Например: *Она всегда высоколомилась, когда говорили о ее сыне.* (кург.) *Идет, высокосит: я – не я.* (урал.) *Мало ли другой раз подсмеивается человек, высокомерит, людей не считает за людей.* (перм.) *Шибко высока была – ни с кем не поздороваце.* (арх.)" – Белякова С.М. Признаки "глубокий" и "высокий" в народной культуре // Славяноведение 2003, № 6, 100–102.
- ¹¹ Багдасаров А.Р. Хорватско-русский словарь. М., 2003, 219. Показательно отсутствие в этом словаре прилагательного *горд* – особенно на фоне присутствия обоих слов (*горд* и *поносан*) в аналогичном словаре сербского языка: Гудков В.П., Иванович С. Сербско-русский и русско-сербский словарь. 5-е изд., стереотип. М., 2006, 38; 136.
- ¹² Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. XVII // Этимология, 1988–1990. М., 1993, 5–57).
- ¹³ Там же, 52.
- ¹⁴ Там же, 55.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же, 56.
- ¹⁷ Там же, 57.
- ¹⁸ Ср. работы: Соколова В.К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности: Образ "свадьбы-смерти" в славянском фольклоре // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977, 188–195; Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990, 64–98; Еремич В.И. Свадебный обряд в его

- исторической взаимосвязи с погребальным // “Ритуал и фольклор”. Л., 1991. (Гл. 2 “Брак”, ч. 1).
- ¹⁹ Ср. *Высокий* б. Большой, значительный по количеству, силе, степени и т.п. \diamond *В высокой степени*. Чрезвычайно, очень. (БАС³ 3, 569). *Высоко...* б) со знач. очень, в высшей степени (*высокоактивный* {...} и т.п.) (БАС³ 3, 570).
- ²⁰ Значение с.-хорв. диал. *grd* (Sus.) *γartō* ‘очень сильно’, как мы полагаем, указывает на значение ‘страшно, ужасно’, регулярно развивающееся в ‘очень’: Ср. *ужасно* “2. Очень, в высшей степени, чрезвычайно. У. смешно, интересно, страшно. У. богатый, добрый. У. длинная дорога. У. много людей. У. хотеть пить. У. важный.” (БТС, 1376–1377). В прилагательном *ужасный* также находим соответствие значению ‘очень’: “Разг. Чрезвычайный по степени проявления, превышающий обычную меру, норму” У-ая. *суматоха*. У. *трус*. (БТС, 1377). Сходное значение имеется и у прилагательного *страшный*: “5. Разг. Выделяющийся среди других своими положительными или отрицательными качествами; исключительный. С. *холод, удар в голову*. С-ая *скука, боль, суматоха, бедность, ревность*. Она С-ая *плакса*” (БТС, 1376–1278).
- ²¹ Толстой Н.И. Из опытов типологии славянского словарного состава. II // Н.И.Толстой. Избранные труды, т. I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997, 99.
- ²² Краткая русская грамматика / Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др.; Под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В. М., 1989, 273.

Принятые сокращения

Апресян 1999 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. 2-е изд. Авторы Ю.Д. Апресян и др. / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1999.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.

Слов. син. 1975 – Словарь синонимов: Справочное пособие / Ред. А.П. Евгеньева. М., 1975.